

18+

Джордж и Уидон Гроссмит
Дневник, написанный никем

Перевод Маркиной М.С.

Джордж и Уидон Гроссмит
Дневник, написанный никем

«ЛитРес: Самиздат»

1892

Гроссмит Д.

Дневник, написанный никем / Д. Гроссмит — «ЛитРес: Самиздат», 1892

Окунитесь в жизнь среднестатистического клерка из Лондона конца 19 века. Мистер Путер, осознавая себя незначительным человеком, в сущности, никем, не оставляет попытки приобрести вес в обществе. Комичные ситуации, в которые он и его окружение попадают ежедневно, простодушно описаны Чарльзом в дневнике. «Подсматривая» за героями книги, вы обязательно узнаете в ком-то себя, своих друзей и от души посмеетесь. Сумеет ли Чарльз Путер добиться всеобщего уважения? Или это не так уж важно для счастья? Английский юмор прекрасен. Книга братьев Гроссмит вошла в список самых веселых по версии The Telegraph.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

ВСТУПЛЕНИЕ ОТ ЛИЦА МИСТЕРА ПУТЕРА

А почему бы, собственно, не опубликовать мой дневник? Мне частенько попадались воспоминания людей, о которых я никогда прежде не слыхивал. И я не вижу причин (ну конечно, мне же не посчастливилось стать «кем-то», чтобы видеть), почему мой дневник тоже не может оказаться интересным. Эх, зря я не начал писать еще в молодости.

Чарльз Путер из Лорелз, Брикфилд Террас, Холлоуэй.

Глава 1

Итак, мы обустроиваемся в новом доме, и я сажусь за свой дневник. Нас немного беспокоят торговцы... и скребок для обуви... Заходит викарий и говорит мне кучу любезностей.

Лорелз

Всего неделю назад я и моя ангельская женушка Керри переехали в новый дом. Лорелз, Брикфилд Террас, Холлоуэй. Красивый дом в шесть комнат (не считая подвала) с террасой для завтрака. Перед домом палисад. Лестница из десяти ступеней ведет к парадной двери, которую, кстати говоря, мы держим запертой на цепочку. Каммингс, Гауинг и другие близкие друзья всегда пользуются маленькой боковой дверью, которая избавляет служанку от труда открывать парадную дверь, отвлекаясь от работы. За домом небольшой премилый сад, отделяющий дом от железной дороги. Надо сказать, вначале мы опасались, что нам будет мешать шум поездов, но владелец дома заверил, что со временем мы привыкнем и не будем его замечать. Он тут же снизил арендную плату на два фунта. Он оказался прав: мы уже не испытываем никаких неудобств, не считая треска, доносящегося из-за ограды из дальнего конца сада.

Люблю возвращаться домой после работы в Сити! Какой прок от дома, если ты там почти не бываешь? Мой девиз: «Дом, милый дом!». Вечера я всегда провожу дома. Наш старый друг Гаунг может заглянуть без предупреждения, равно как и Каммингс, который живет напротив. Мы с Каролиной всегда им рады. Однако, мы с Керри вполне способны проводить вечера и без друзей. Всегда находится какое-нибудь дело: тут вбить гвоздик, там поправить жалюзи, закрепить вентилятор или прибить задравшийся уголок ковра – то есть все то, что я могу делать, не вынимая изо рта курительной трубки. В это время Керри может снизойти до пришивания пуговицы, починки наволочки или поупражняться в исполнении гавота Сильвы на нашем новеньком фортепьяно, которое мы купили в рассрочку на три года у Коллард&Коллард (очень большими буквами), произведено В. Билксоном (маленькими буквами). А еще мы не нарадуемся на нашего сына Уилли, который работает в банке в Олдеме. Только хотелось бы видеть его почаще... Но вернемся к дневнику:

3 апреля

Торговцы не дают покоя. Пришлось пообещать Фармерсону, продавцу скобяных изделий, что я обязательно обращусь к нему, когда понадобятся гвозди или инструменты. Кстати, я вспомнил, что у нас нет ключа от спальни, да и звонком не мешало бы заняться... Звонок на террасе не работает, а когда звонят в парадную дверь, слышно только в комнате слуг. Как нелепо! Вот зашел мой дорогой друг Гаунг, но остаться не захотел из-за отвратительного запаха краски.

Наш дорогой друг Гауинг

4 апреля

Торговцы продолжают надоедать. Так как Керри нет дома, мне самому пришлось разбираться с Хорвином. Он оказался вполне вежливым мясником, который держит маленький чистенький магазинчик неподалеку. Я заказал на пробу баранью лопатку на завтра. Керри познакомилась с молочником Борсетом и заказала у него фунт свежего сливочного масла, полтора фунта соли да яиц на шиллинг. Вечером неожиданно зашел Каммингс, чтобы похвастаться пенковой трубкой¹, которую выиграл в лотерею в Сити. Он предупредил, что с ней нужно обращаться аккуратнее, потому что можно испортить цвет, если брать ее влажными руками. Он также не пожелал остаться, сказав, что не очень любит запах краски. На выходе он споткнулся о скребок для обуви. Надо бы убрать этот скребок, иначе им начистят мою физиономию... Вообще-то я нечасто шучу.

Наш дорогой друг Каммингс

5 апреля

Принесли *две* бараньи лопатки – оказывается, Керри заказала вторую у другого мясника, не предупредив меня. Пришел Гауинг и тоже споткнулся о скребок на входе. ПРОСТО НЕОБХОДИМО убрать его.

6 апреля

На завтрак были ужасные яйца. Я отослал их назад Борсету с наилучшими пожеланиями. Он может больше не рассчитывать на заказ. Я не нашел зонт и был вынужден идти без него несмотря на проливной дождь. Сара сказала, что, в коридоре она нашла чью-то трость, и, скорее всего, мистер Гауинг взял вчера мой зонт по ошибке. Вечером я услышал, как внизу в коридоре кто-то громко разговаривает со служанкой. Я спустился посмотреть кто это, и с удивлением узнал молочника Борсета, пьяного и агрессивно настроенного. Увидев меня, Бор-

сет сказал, что скорее повесится, чем еще раз будет иметь дело с клерками из Сити – такая игра не стоит свеч. Я сдержанно заметил, что городской клерк вполне может быть *джентльменом*. Он ответил, что рад это слышать, и спросил, где я встречал таковых, потому что *ему* они не попадались. Он ушел, хлопнув дверью с такой силой, что окно над входом чуть не разлетелось вдребезги. Я слышал, как он споткнулся о скребок для обуви, и порадовался, что не успел убрать его. После его ухода мне в голову пришла прекрасная идея, как можно было парировать его нападки. Приберегу этот вариант для следующего раза.

7 апреля

Так как была суббота, я надеялся вернуться домой пораньше, чтобы уладить кое-какие дела. Но на работе не было двух начальников по причине болезни, и мне не удалось попасть домой раньше семи. На пороге я увидел Борсета. Уже трижды за день он приходил, чтобы извиниться за вчерашнее поведение. Он сказал, что у него не получилось отгулять банковские каникулы в прошлый понедельник, и он перенес их на вчерашний день. Он умолял принять его извинения и фунт свежего сливочного масла. Как оказалось, он вполне нормальный парень. Я заказал ему свежих яиц и попросил, чтобы на этот раз они были *действительно* свежими. Боюсь, придется заменить коврики на ступеньках, так как старые не полностью покрывают незакрашенные участки. Керри предложила просто подкрасить ступеньки. Посмотрим, удастся ли в понедельник найти краску подходящего оттенка (темный шоколад).

8 апреля, воскресенье

Из церкви мы вернулись домой вместе с викарием. Я отправил Керри вперед, чтобы она открыла парадную дверь, которой мы пользуемся разве что в особых случаях. У жены ничего не получилось, и после моих попыток потянуть время все же пришлось вести викария (к сожалению, я не запомнил его имени) к боковой двери. Он зацепился о скребок для обуви и порвал низ брюк. Досаднее всего то, что Керри не могла зашить ему брюки – ведь было воскресенье. После обеда я вздремнул, потом отправился на прогулку по саду и нашел красивый уголок для посадки кресс-салата и редиса. Вечером я снова пошел в церковь и вернулся вновь в сопровождении викария. Керри заметила, что на нем были те же брюки, но уже зашитые. Он хочет, чтобы я занялся сбором пожертвований. Думаю, это почетно.

Глава 2

Торговцы и скребок для обуви продолжают причинять беспокойство. Гауинг уже надоел своими жалобами насчет запаха краски. Я отпустил одну из самых удачных шуток в моей жизни. «Прелести садоводства». Мистер Стиллбрук, Гауинг, Каммингс и я немного друг друга не поняли. Сара выставила меня идиотом перед Каммингсом.

9 апреля

Утро не задалось. Мясник, с которым мы решили *больше никогда не* связываться, пришел и бранился на чем свет стоит. Он начал оскорблять меня и заявил, что не хочет меня обслуживать. Я просто ответил: «Тогда зачем вы устроили этот скандал?». Он закричал во весь голос, так что было слышно всем соседям: «Тьфу ты! Да пошел ты! Вот черт! Да на что ты мне сдался вообще!».

Я захлопнул дверь, и в ту минуту, когда я намекал Керри, что вся эта постыдная сцена произошла исключительно по ее вине, раздался такой оглушительный удар в дверь, что она чуть не слетела с петель. Это был снова мерзавец-мясник, который сообщил, что поранил ногу о скребок для обуви и собирается немедленно подать на меня в суд. По дороге в город зашел к торговцу скобяными товарами Фармерсону и поручил ему переставить скребок и починить дверные звонки. Зачем беспокоить арендодателя такими пустяками?

Домой вернулся уставшим и взволнованным. Мистер Путли, маляр и декоратор, пришедший как-то свою визитку, сказал, что не может подобрать краску для лестницы, так как оригинал содержит индийскую карминовую. Он полдня обзванивал склады в надежде достать нужный оттенок. В общем он предложил полностью перекрасить лестницу. Это будет стоить немного дороже; но если подбирать цвет, можно все испортить. А ему бы хотелось, чтобы он и мы остались довольны. Я согласился, но меня не покидало чувство, что меня просто «уболтали». Посадил немного кресс-салата и редиса. В девять лег спать.

10 апреля

Фармерсон зашел посмотреть скребок. Он кажется вполне цивилизованным человеком. Он сказал, что, как правило, не выполняет такие мелкие поручения сам, но сделает это для меня в виде исключения. Я поблагодарил его и уехал в город. Некоторые молодые клерки бесстыдно опаздывают на работу. Трех таким я сказал, что, если директор Перкапп узнает, их могут уволить.

Питт, семнадцатилетняя мартышка, которая проработала у нас всего шесть недель, сказал, чтобы я «не горячился». Я ответил, что имею честь работать в этой фирме вот уже двадцать лет, на что он нагло заявил, что «это и так заметно». Я смерил его возмущенным взглядом и сказал: «Я требую от вас уважения, сэр». А он в ответ: «Отлично. Вот и требуйте на здоровье». Я не стал больше спорить с ним. Невозможно спорить с такими людьми. Вечером зашел Гауинг и снова пожаловался на запах краски. Иногда Гауинг так утомляет своими замечаниями, порой не очень осторожными... Однажды Керри даже пришлось напоминать ему о своем присутствии.

11 апреля

Кресс-салат и редис пока не взошли. Сегодня был ужасный день. Я опоздал на автобус в Сити, который идет без четверти девять, так как остановился поговорить с сынишкой бакалейщика. Этот наглец уже во второй раз принес корзину с продуктами к парадной двери и оставил следы своих грязных ботинок на свежeweымытой лестнице. Он сказал, что четверть часа кулаком долбил в боковую дверь. Понятно, что наша служанка Сара не могла услышать его, так как

в это время убирала в спальнях наверху. Я спросил мальчика, почему он не позвонил в звонок, а он ответил, что дернул за шнурок и оторвал его.

Я опоздал в офис на полчаса впервые в жизни. В последнее время опаздывали многие клерки, и наш директор мистер Перкапп, к сожалению, выбрал именно это утро, чтобы подкараулить нарушителей. Кто-то узнал об этом заранее и предупредил остальных. В результате я был единственным опоздавшим. Баклинг – один из старших клерков – оказался славным малым и вступился за меня. Проходя мимо стола Питта, я услышал, как он сказал своему соседу: «Как бесстыдно опаздывают некоторые из наших старших клерков!» Разумеется, он имел в виду меня. Я промолчал, но пристально взглянул на него, что, к сожалению, лишь рассмешило обоих коллег. После я подумал, что было бы разумнее сделать вид, что я ничего не слышал. Вечером заглянул Каммингс, и мы поиграли в домино.

12 апреля

Кресс-салат и редис еще не взошли. Когда я уходил, Фармерсон занимался скребком, а когда вернулся, застал за работой уже троих. Я спросил, что все это значило, а Фармерсон заявил, что повредил газовую трубу, когда проделывал новое отверстие для скребка. Еще он заметил, что это было самое неподходящее место для газовой трубы, и что люди, которые ее туда засунули, ничего не смыслили в этом деле. Я чувствовал, что его объяснения никак не снизят затрат, которые на меня ложатся.

Вечером после чая зашел Гауинг, и мы вышли покурить на террасу. Позже к нам присоединилась Керри, но ненадолго, так как надышалась дыма. Признаться, и для меня это было слишком, так как Гауинг угостил меня «зеленой» сигарой, как он ее называл. Его друг Шумах только что привез ее из Америки. Сигара не была зеленой, но, мне кажется, я был именно такого цвета. Выкурив чуть больше половины, вынужден был ретироваться под предлогом, что хочу попросить Сару принести стаканы.

Я обошел сад три или четыре раза, ощущая потребность в свежем воздухе. Когда я вернулся, Гауинг заметил, что я не курю, и предложил еще сигару, от которой я вежливо отказался. Гауинг начал фыркать в свойственной ему манере, и я поспешил заметить: «Ты больше не жалуешься на запах краски?». Он ответил: «Нет, не в этот раз; но знаешь, я отчетливо слышу запах древесного грибка». Я редко шучу, но сказал ему тогда: «Да ты сам пень трухлявый». Я хохотал без остановки, а Керри сказала, что надорвала живот от смеха. Я никогда не говорил таких забавных вещей. Я даже просыпался дважды за ночь и смеялся так, что тряслась кровать.

13 апреля

Странное совпадение: Керри зашла к какой-то даме пошить чехлы из английского ситца на стулья и диван для нашей гостиной, чтобы на солнце не выгорел зеленый репс, которым обита мебель. Я взглянул на даму и узнал в ней девушку, которая давным-давно работала у моей тетушки в Клэпэме. Как тесен мир!

14 апреля

Весь день я провел в саду. Утром я заглянул в книжный киоск и купил превосходную книжицу по садоводству в отличном состоянии и всего за пять пенсов. Раздобыл семена и посадил несколько однолетних теплолюбивых растений в солнечном, на мой взгляд, месте. Я придумал шутку и позвал Керри. Керри пришла немного недовольная, как мне показалось. Я сказал: «Я только что понял, что у нас дом гостиничного типа». Она спросила: «Это как?» Я сказал: «Посмотри на моих *квартирантов*». Керри спросила: «Это все, что ты хотел мне сказать?» Я ответил: «В любое другое время ты бы посмеялась над моей шуткой». Керри сказала: «Разумеется, но только *в любое другое время*, а не когда я занята работой по дому». Лестница выглядела очень мило. Зашел Гауинг и сказал, что лестница *красивая*, но теперь перила

смотрятся *плохо*, и предложил покрасить и их, с чем абсолютно согласилась Керри. Я пошел к Путли, но, по счастью, его не оказалось дома, так что я мог спустить на тормозах покраску перил. Кстати говоря, это довольно забавно.

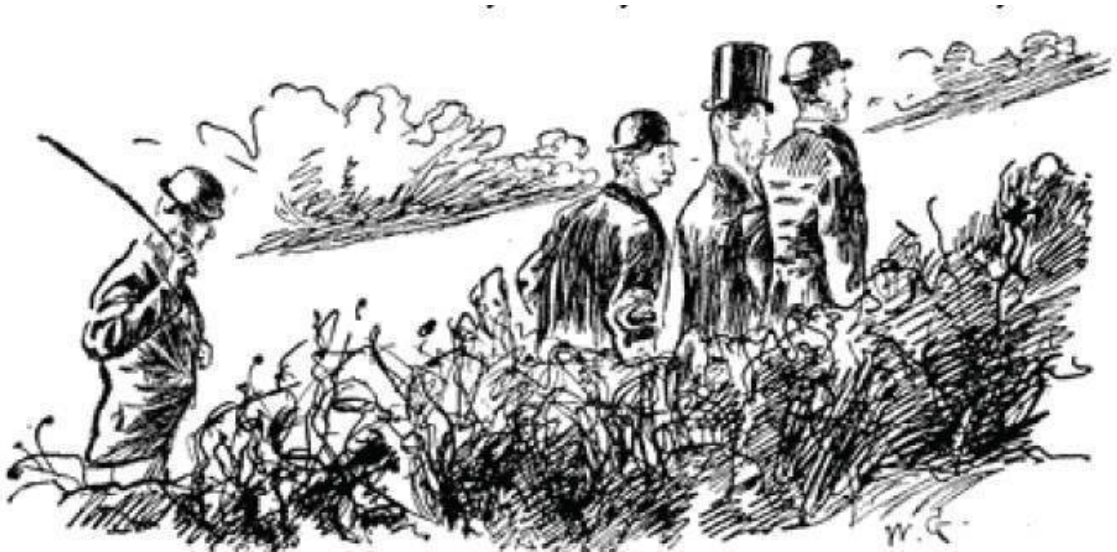
15 апреля, воскресенье

В три часа Каммингс и Гаунг позвали меня прогуляться по Хэмпстед и Финчли. Они привели с собой своего приятеля по имени Стиллбрук. Мы шли и болтали; все, кроме Стиллбрука, который плелся в нескольких ярдах позади, уставившись в землю и сбивая тростью траву.

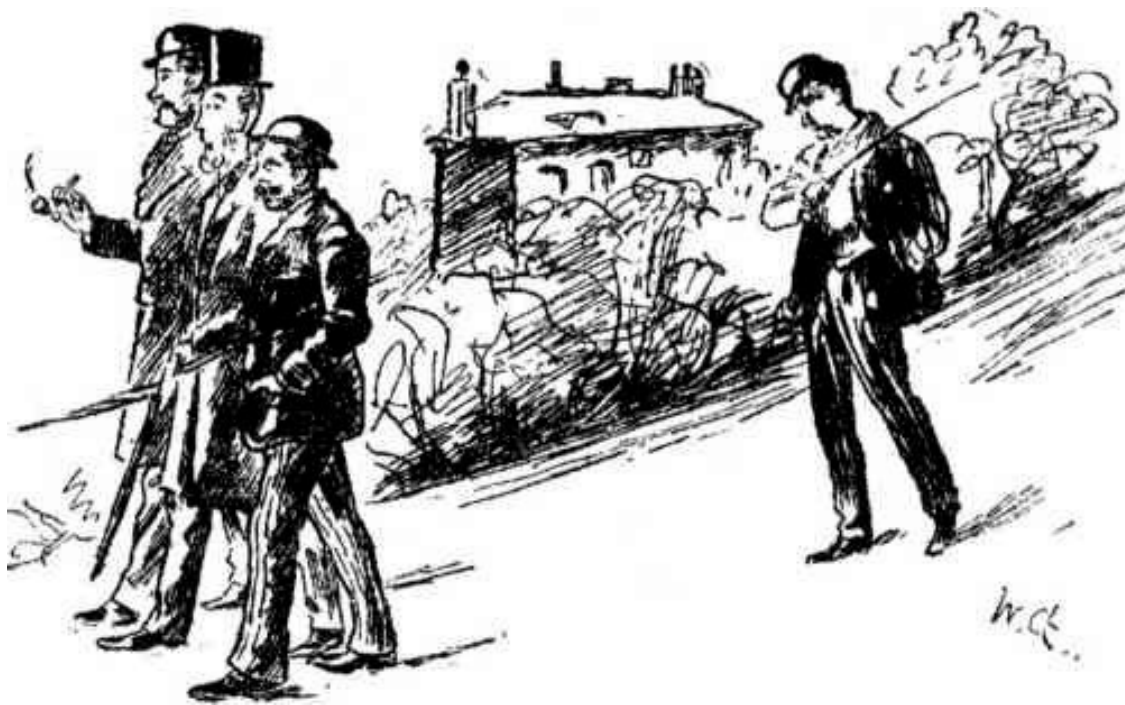
Ближе к пяти часам мы посоветовались, и Гаунг предложил зайти в «Корову и Изгородь» на чашечку чая. Стиллбрук сказал, что не отказался бы от бренди с содовой. Я напомнил, что пабы открываются не раньше шести. Стиллбрук ответил: «Все в порядке, честные путники».

Мы пришли. Я попытался войти, но привратник спросил: «Откуда?». Я ответил: «Холлоуэй». Он немедленно выставил вперед руку и преградил мне путь. Я повернулся и увидел, как Стиллбрук в сопровождении Каммингса и Гаунга приближается ко входу. Я уже готов был посмеяться над ними. Привратник спросил: «Откуда?» И к моему удивлению и отвращению Стиллбрук ответил: «Блэкхет». Всех троих тут же впустили.

Гаунг крикнул мне: «Мы всего на минутку». Я прождал их почти час. Когда они, наконец, вышли, они были в превосходном расположении духа, и единственным, кто хоть как-то пытался извиниться, был мистер Стиллбрук, который сказал мне: «Было грубо с нашей стороны заставить вас ждать, но так уж вышло». Я шел домой молча, не хотел с ними разговаривать. Весь вечер я был мрачен, но решил ничего не рассказывать Керри о произошедшем.

Стиллбрук плетется сзади. Поднимаемся на холм

Спускаемся с холма

Почти пришли

16 апреля

После работы отправился в сад. Когда стемнело, я написал Каммингсу и Гаунгу (как ни странно, они так и не зашли; наверное, им было стыдно) о вчерашнем происшествии в «Корове и Изгороди». Но потом я решил повременить с письмом.

17 апреля

Решил написать Гаунгу и Каммингсу что-то вроде записок о прошедшем воскресении и предупредить их насчет мистера Стиллбрука. Потом подумал, что все уже в прошлом, порвал письма и решил не писать вовсе, а спокойно с ними поговорить. Ошарашен резким письмом от Каммингса, который сообщил, что они с Гаунгом ждали объяснений относительно моего (заметьте, МОЕГО) странного поведения по дороге домой в воскресенье. И тогда я решился написать: «Мне казалось, что это я был оскорбленной стороной. Но я с легкостью прощаю вас, а вы, чувствующие себя оскорбленными, должны простить меня». Я дословно переписал текст в дневник, так как думаю, это одно из лучших и самых глубокомысленных писем, которые я когда-либо писал. Я отправил письмо, но в глубине души чувствовал, что извиняюсь за то, что был оскорблен.

18 апреля

Простуда. Вес день чихал на работе. Вечером мне стало совсем не по себе, и я послал Сару за бутылкой Кинахана. Заснул в кресле и проснулся весь дрожа. Меня испугал громкий стук в парадную дверь. Керри всполошилась. Так как Сары все еще не было, мне пришлось встать и открыть дверь. Это был всего лишь Каммингс. Я вспомнил, что сын бакалейщика опять сломал звонок на боковой двери. Каммингс сжал мою руку и сказал: «Я только что видел Гаунга. Все в порядке. Больше ни слова об этом». Не сомневаюсь, они оба под впечатлением от моих извинений.

Когда мы играли в домино на террасе, Каммингс сказал: «Кстати, хочешь вина или чего покрепче? Мой кузен Мертон занялся торговлей. У него отличный виски, четырехлетняя выдержка в бутылке⁴, по тридцать восемь шиллингов. Думаю, стоит запастись парой дюжин бутылочек». Я сказал, что мой подвал мал и уже набит до отказа. К моему ужасу именно в этот момент вошла Сара и, ставя на стол перед нами бутылку виски, завернутую в грязную газету, сказала: «Пожалуйста, сэ. Бакалейщик сказал, что Кинахан закончился, но вам должен понравиться этот по два шиллинга шесть пенсов за бутылку, два пенса сдачи. Да, и еще, если вам нужен шерри, у него есть по шиллингу и три пенса за бутылку, сухой, как орех!».

«Пожалуйста, сэр. Бакалейщик сказал, что Кинахан закончился, но вам должен понравиться этот по два шиллинга шесть пенсов»

Глава 3

Светская беседа с мистером Мертоном. Визит четы Джеймс из Саттона. Скучный вечер в театре «Танк». Эксперименты с эмалью. Я придумал еще одну отличную шутку, но Гауинг и Каммингс нехотели обиделись. Покрасил ванну в красный цвет – неожиданный эффект.

19 апреля

Зашел Каммингс и привел своего друга Мертона, торговца спиртными напитками. Пришел Гауинг. Мистер Мертон немедленно освоился и поразил нас с Керри своей непринужденностью. Мы одобрили его поведение.

Он откинулся на спинку стула и сказал: «Принимайте меня таким, какой я есть». А я ответил: «Хорошо, а вы принимайте нас такими, какие мы есть. Мы скромные люди без претензий».

Он ответил: «Как же, вижу-вижу». Гауинг расхохотался, но Мертон заметил как истинный джентльмен: «Думаю, вы не совсем правильно поняли. Я хотел сказать, что наши очаровательные хозяева выше всех этих новомодных причуд и предпочитают простую и здоровую жизнь шатаниям по грошовым чаепитиям и жизни не по средствам».

Мне было приятно слышать такие справедливые замечания Мертона, и я закончил такими словами: «Откровенно говоря, мистер Мертон, мы не выходим в свет, потому что нам нет до него дела. Считаю бессмысленными все эти расходы на экипаж, белые перчатки и галстуки...»

Мертон сказал, обращаясь к своим друзьям: «Мой девиз: Мало, но честно! Кстати, это касается и вина. Лучше меньше, да лучше». Гауинг сказал: «Ага, а иногда дешево и вкусно, не так ли, старик?». Мертон продолжил и сказал, что относится ко мне как к другу, и уговорил меня на дюжину бутылок виски Локанбар по тридцать шесть шиллингов, так как я старый друг Гауинга, хотя сам Мертон заплатил за него гораздо больше.

Он записал заказ и сказал, чтобы я обращался к нему, когда надумаю пойти в театр, так как он вхож в любой театр Лондона.

20 апреля

Керри напомнила, что ее школьная подруга Энни Фуллерс (теперь миссис Джеймс) с мужем приезжают из Саттона на несколько дней, и что было бы неплохо сводить их в театр. Она попросила меня черкнуть пару строк мистеру Мертону, чтобы заказать четыре билета в Итальянскую оперу, Хеймаркет, Савой или Лицей. Я написал Мертону.

21 апреля

Получил ответ от Мертона, который сообщал, что очень занят и как раз сейчас не может достать билеты в Итальянскую оперу, Хеймаркет, Савой или Лицей, зато лучшее, что сейчас ставят в Лондоне, это «Коричневые кусты» в театре «Танк», Айлингтон. К письму прилагались четыре билета и счет за виски.

23 апреля

Мистер и миссис Джеймс (бывшая мисс Фуллерс) приехали к ужину, а после мы сразу отправились в «Танк». Мы доехали на автобусе до Кингз Кросс, там пересели на другой автобус до «Ангела». Всякий раз мистер Джеймс настаивал на том, чтобы заплатить за всех. Он сказал, что я и так купил на всех билеты.

Мы подъехали к театру. Довольно любопытно, что все пассажиры нашего автобуса, кроме одной старушки с корзиной, направились туда же. Я пошел вперед и предъявил билеты. Контролер посмотрел на них и позвал: «мистер Уиллоули! Что вы об этом думаете?». Подошел джентльмен и, рассматривая мои билеты, спросил: «Кто дал их вам?». Я возмущенно ответил: «Мистер Мертон, кто же еще». Он повторил: «Мертон? А кто это?». Я ответил довольно резко: «Следовало бы знать. Он хорошо известен в театральных кругах Лондона». Мне ответили: «Да что вы говорите! Возможно, но только не здесь. Эти билеты, на которых не проставлена дата, были выданы по распоряжению мистера Суинстеда, а теперь пошли по рукам». Пока я вел нелिцеприятную беседу, Джеймс поднялся с дамами наверх и позвал: «Ну где же вы!». Я поднялся к ним, и очень вежливый распорядитель сказал: «Прошу вас, сюда, ложа Н». Я спросил Джеймса: «Как тебе это удалось?». К моему ужасу, он ответил: «Да я просто заплатил».

Все это было довольно унижительно, и мне с трудом удавалось следить за сюжетом, но впереди меня ждало еще большее унижение. Когда я перегнулся через край ложи, мой галстук – маленькая черная бабочка на воротнике-стойке – упал в партер. Какой-то неуклюжий мужчина, не заметив, наступил на нее, посмотрел вниз, поднял мою бабочку и с отвращением швырнул под соседнее кресло. События с проходом в театр и галстуком заставили меня почувствовать себя жалким. Мистер Джеймс из Саттона был очень добр и сказал: «Не волнуйтесь, никто не заметит отсутствие бабочки под вашей бородой. Думаю, в этом и есть ее единственное преимущество». Замечание было бесосновательно, так как Керри очень гордится моей бородой.

Весь остаток вечера мне пришлось держать подбородок опущенным, чтобы скрыть отсутствие бабочки. В итоге у меня заболела шея.

24 апреля

Я не сомкнул глаз. Меня одолевали мысли о том, что мистер Джеймс с женой приехал издалека, чтобы сходить в театр, а ему пришлось заплатить за ложу, потому что наш заказ был недействителен. Да и пьеса была ужасна. Я написал довольно сатирическое письмо Мертону, торговцу спиртными напитками, который дал нам те злосчастные билеты: «С учетом того, что нам все же пришлось заплатить за наши места, мы очень старались насладиться пьесой». Эта строчка показалась мне язвительной, и я спросил Керри, нужен ли мягкий знак в слове «наслаждаться», она ответила, что нет. После того, как я отправил письмо, я заглянул в словарь и понял, что мягкий знак все же был нужен. Я ужасно раздосадован.

Решил больше не терзать себя мыслями о Джеймсах, потому что, как сказала Керри: «Мы загладим свою вину – пригласим их из Саттона на следующей неделе поиграть в Безик²».

25 апреля

Бриквелл сказал, что его жена творит чудеса с новой эмалью Пинкфорд. Решил попробовать и купил две банки красной краски по дороге домой. побыстрее попил чай и отправиться в сад, чтобы покрасить цветочные горшки. Я позвал Керри, которая сказала: «Ты просто генератор идей». Она признала, что цветочные горшки выглядели великолепно. Я поднялся наверх в комнату служанки и покрасил ее столик для умывания, вешалку для полотенца и комод. Мне кажется, получилось свежо, но, будучи образцом невежества среди представителей низшего класса, наша служанка Сара, взглянув на мою работу, не выразила никакого удовольствия, а просто заметила, что до покраски все и так было неплохо.

26 апреля

Купил еще красной эмали (по моему мнению, красный – лучший цвет) и покрасил ведро для угля и корешок Шекспира – переплет совсем износился.

27 апреля

Выкрасил ванну в красный. Результат понравился. К сожалению, нельзя сказать того же о Керри. Мы даже толком не обсудили это. Она сказала, что мне следовало сначала посоветоваться с ней, и что она никогда не видела красных ванн. Я ответил: «Это всего лишь дело вкуса».

Покрасил столик для умывания в комнате прислуги

По счастью, дальнейшее обсуждение прервал голос: «Можно войти?». Это был всего лишь Каммингс, который сказал: «Ваша служанка открыла дверь и извинилась за то, что не сможет проводить меня в дом, так как выжимает носки». Я был рад видеть его и предложил сыграть в вист с «болваном». Ради смеха я добавил: «Ты можешь быть болваном». Каммингс ответил (как мне показалось, злобно): «Смешно, как всегда». Он также сказал, что не может остаться, что зашел, только чтобы занести мне номер *Новостей для велосипедистов*, который он уже прочитал.

Каммингс уже повернулся, чтобы выйти, как снова раздался звонок в дверь. Это Гауинг, который извинился за столь частые визиты и пригласил нас к себе! Я сказал: «Мне пришла в голову очень интересная мысль». «Что-то смешное, как обычно?», – спросил Каммингс. «Да, – ответил я, – Думаю, на этот раз даже ты это признаешь. Это касается вас обоих. Разве не забавно, что Гауинг приходит, когда Каммингс уходит, а Каммингс приходит, когда Гауинг уходит?»³. Керри, видимо, совершенно забыв о ванне, смеялась до упаду. Что касается меня, я корчился от смеха в своем кресле, пока оно не треснуло подо мной. Думаю, это была одна из лучших моих шуток.

А теперь вообразите мое изумление, когда я заметил, что Каммингс и Гауинг стоят молча и даже не улыбаются. После довольно неприятной паузы Каммингс, стоявший с открытым портсигаром, закрыл его и сказал: «Н-да, думаю, теперь мне действительно пора. Жаль, что я не понимаю твои шутки». Гауинг сказал, что не возражает против шуток, если они не грубые, но моему каламбуру не хватает тонкости. Каммингс добавил, что, если бы так пошутил кто-нибудь другой, он никогда больше не переступил бы порог его дома. Таким образом, на приятном вечере был поставлен крест. Однако хорошо, что они ушли, так как домработница перед этим доела остатки холодной свинины.

28 апреля

Новый молодой клерк Питт, который так нахально вел себя со мной на прошлой неделе, снова опоздал на работу. Я сказал ему, что обязан уведомить директора Перкаппа. К моему удивлению, Питт очень застенчиво и вежливо извинился. Я искренне порадовался такому обороту и сказал, что на этот раз не замечу его опоздание. Спустя час, проходя по кабинету, я получил в лицо комком бумаги. Я резко обернулся, но все клерки работали с непроницаемым видом. Я не богат, но заплатил бы полсоверена, чтобы узнать, попал ли в меня шарик случайно или нарочно. Я рано приехал домой и купил еще краски – на этот раз черной – и весь вечер подкрашивал каминную решетку, картинные рамы и старую пару ботинок, чтобы они выглядели как новые. Еще я покрасил забытую трость Гауинга, чтобы она смотрелась как из черного дерева.

29 Апреля, воскресенье

Проснулся с ужасной головной болью и ознобом. Керри с присущим ей упрямством утверждала, что это «малярные колики» – результат того, что последние несколько дней я постоянно дышал краской. Я твердо сказал, что гораздо лучше ее знаю, что со мной происходит. Я простудился. Решил принять горячую ванну, настолько горячую, насколько мог вытерпеть. Когда ванна наполнилась, понял, что могу свариться, но все же упрямо полез в нее. Очень горячо, но терпимо. Полежал спокойно некоторое время.

Я был похож на Марата, лежащего в ванне, из Музея мадам Тюссо

Подняв руку из воды, меня объял такой ужас, какого я не испытывал ни разу в жизни. Представьте мой шок, когда я увидел свою руку по локоть в крови. Моей первой мыслью было, что я повредил артерию, истекал кровью, и что когда меня найдут, я буду, как Марат, которого я видел в Музее мадам Тюссо. Моей второй мыслью было позвонить в колокольчик, но я вспомнил, что здесь нет колокольчика. Третья мысль подсказывала, что это была всего лишь красная эмаль, которая отошла из-за кипятка. Я вышел из ванны, пунцовый с головы до ног, как краснокожий индеец, изображение которого я видел в театре в Ист-Энде. Я решил ничего не говорить Керри, но попросить Фармерсона покрасить ванну в белый цвет в понедельник.

Глава 4

Бал в резиденции Лорда-Мэра

30 Апреля

Изумлен, получив от Лорда-Мэра и его супруги приглашение в их резиденцию на встречу с представителями торговли и коммерции. Сердце выскакивает из груди. Мы с Керри перечитали приглашение два или три раза. Я с трудом съел свой завтрак. Расчувствовавшись, я сказал: «Керри, дорогая, я был горд, когда вел тебя к алтарю в день нашей свадьбы. Я буду также или даже еще более горд, когда поведу свою красавицу-жену в резиденцию Лорда-Мэра». Слезы блеснули в глазах Керри, когда она произнесла: «Чарли, дорогой, это я должна гордиться тобой. И я очень, очень горжусь. Ты назвал меня красавицей. Пока я остаюсь красавицей в твоих глазах, я счастлива. Дорогой Чарли, пусть ты некрасив, зато ты хорош, а это гораздо благороднее». Я поцеловал ее, и она спросила: «Интересно, а там будут танцы? Давненько мы с тобой не танцевали».

Не знаю, что заставило меня это сделать, но я схватил ее за талию, и мы плясали какую-то дикую польку, когда в комнату вошла Сара и с ухмылкой сказала: «Пришел человек... Он спрашивает, нужен ли вам хороший уголь». Вот досада. Весь вечер мы пытались написать ответ в резиденцию, но ничего не получалось, и мы рвали письма одно за другим. Сару предупредили, чтобы она отвечала, что нас нет дома, если придут Каммингс или Гауинг. Нужно посоветоваться с мистером Перкаппом, как ответить на приглашение Лорда-Мэра.

1 Мая

Керри сказала: «Я хочу отослать приглашение маме, чтобы она на него посмотрела». Я согласился, но только после того, как я напишу ответ. На работе я с гордостью рассказал мистеру Перкаппу о приглашении. К моему удивлению, оказалось, что это он указал мое имя секретарю Лорда-Мэра. Ценность приглашения упала в моих глазах, но я вежливо поблагодарил его. Он же рассказал, как правильно написать ответ. Мне показалось, что такой вариант был слишком прост, но, разумеется, мистеру Перкаппу виднее.

Я схватил ее за талию, и мы плясали какую-то дикую польку, когда в комнату вошла Сара

2 Мая

Отослал фрак и брюки в небольшое ателье за углом, чтобы они разгладили заломы. Предупредил Гаунга, чтобы он не заходил в следующий понедельник, так как мы собираемся в резиденцию Лорда-Мэра. Послал записку такого же содержания Каммингсу.

3 Мая

Керри уехала в Саттон к миссиз Джеймс, чтобы посоветоваться насчет платья для следующего понедельника. В случайном разговоре о резиденции Лорда-Мэра со Спотчем, одним из наших старших клерков, услышал: «А, да, я тоже приглашен, но не уверен, что поеду». Ну если даже такой грубый человек как Спотч приглашен, мое приглашение вообще теряет всякую

ценность. Вечером, пока меня не было дома, маленький портной принес мой фрак и брюки, а так как у Сары не было денег, чтобы заплатить, он забрал их назад.

4 Мая

Мать Керри вернула приглашение Лорда-Мэра, которое мы отправляли ей, чтобы она порадовалась за нас. Она извинялась, что пролила на приглашение бокал портвейна. Я был слишком зол, чтобы что-то говорить.

5 Мая

Купил пару тонких лавандовых перчаток для следующего понедельника и два белых галстука на случай, если испорчу один в процессе повязывания.

6 Мая, воскресенье

Скучнейшая проповедь, во время которой, признаюсь, я дважды отвлекался на мысли о завтрашнем приеме в резиденции Лорда-Мэра.

7 Мая

Наступила долгожданная дата, а именно день приема у Лорда-Мэра. Дом вверх дном. Мне пришлось одеться уже к половине седьмого, так как комната нужна была Керри. Миссис Джеймс приехала из Саттона, чтобы помочь Керри, поэтому я посчитал неразумным участие служанки Сары. Сара постоянно выбегала из дома, чтобы принести «кое-что для миссис», а мне несколько раз пришлось ходить при полном параде и открывать заднюю дверь.

Последним явился сын бакалейщика, который не узнал меня, так как Сара не зажгла свет, и сунул мне в руки два кочана капусты и полдюжины брусков угля. Я негодуя бросил все это на пол и был так раздосадован, что даже забыл надрать мальчишке уши. Он ушел в слезах и крикнул, что подаст на меня в суд. В темноте я наступил на капусту и рухнул вниз всем весом. Некоторое время я пребывал в шоке, но когда очнулся, заполз по лестнице в гостиную и посмотрел в каминное зеркало, то увидел, что по щеке течет кровь, сорочка запачкана углем, а левая брючина порвана на колене.

Сын бакалейщика... сунул мне в руки два кочана капусты и полдюжины брусков угля

Однако миссис Джеймс дала мне другую сорочку, которую я надел в гостиной. Я заклеил лейкопластырем щеку, а Сара аккуратно зашила брюки. В девять часов Керри вошла в комнату с гордым видом, как королева. Я никогда не видел ее такой хорошенькой и такой безукоризненной. На ней было атласное платье небесно-голубого цвета (мой любимый цвет), а на плечах лежало кружево, которое одолжила ей миссис Джеймс, чтобы завершить образ. Мне показалось, что платье было длинновато сзади и определенно коротковато спереди, но миссис

Джеймс сказала, что сейчас такая мода. Миссис Джеймс была так добра, что одолжила Керри еще и веер из слоновой кости с красными перьями. Она сказала, что веер бесценен, так как это перья вымершего орла качу. Мне был больше по нраву маленький белый веер, купленный Керри за три фунта и шесть пенсов в Шулбредз, но обе дамы тут же набросились на меня.

Мы приехали в резиденцию Лорда-Мэра слишком рано, что было удачей, так как я успел поговорить с его светлостью, который благосклонно согласился перекинуться со мной парой слов. Однако я был разочарован, услышав, что он совершенно не знает мистера Перкаппа, нашего директора.

Мне показалось, нас пригласил в резиденцию некто, лично не знавший Мэра. Прибывали толпы людей. Никогда не забуду это грандиозное зрелище. Мне немного досаждала Керри, которая не уставала повторять: «Как жаль, что мы никого здесь не знаем».

Один раз она совершенно потеряла голову. Я заметил человека похожего на Фрэнчинга из Пекэма и только пошел навстречу ему, как она начала хватать меня за фалды смокинга с криками «Не бросай меня!», что вызвало приступ смеха у двух дам и пожилого джентльмена с цепочкой в парадном костюме. В столовой собралась огромная толпа. Бог мой, ужин был великолепен – шампанское лилось рекой.

Аппетит Керри за ужином был достоин восхищения. Зря я считал ее слабой в этом вопросе. Вряд ли осталось хоть одно блюдо, которого она не попробовала. А я испытывал такую жажду, что не мог много есть. Меня хлопнули по плечу. Обернувшись, я с удивлением заметил, что это был Фармерсон, наш продавец скобяных изделий. Он обратился ко мне довольно фамильярно: «А это место будет получше, чем Брикфилд Террас, а?». Я коротко взглянул на него и холодно ответил: «Никак не ожидал встретить вас здесь». Он грубо и громко рассмеялся: «Хорош же ты; встретить ВАС... А что такого?». Я сказал: «Разумеется». Жаль, что мне в голову не пришел ответ поудачнее. Он спросил: «Могу ли я что-нибудь сделать для вашей леди?». Керри сказала: «Нет, благодарю вас». Я был доволен ее ответом. Я сказал с упреком: «Вы не прислали никого для перекраски ванны, хотя я просил вас об этом». Фармерсон ответил: «Прошу меня извинить, мистер Путер, но не будем о делах, когда мы в обществе».

Не успел я придумать что ответить, как один из шерифов при полном параде хлопнул Фармерсона по спине, поприветствовал как старого друга и пригласил к себе на обед. Я был поражен. Целых пять минут они стояли, разрываясь от смеха и пиная друг друга под ребра. Они постоянно повторяли друг другу, что время их совсем не изменило. Они обнимались и пили шампанское.

Подумать только, человек, который занимался нашим скребком для обуви, знаком с представителями местной аристократии! Я было собирался отойти вместе с Керри, как Фармерсон грубо схватил меня за воротник и, обращаясь к шерифу, сказал: «Позволь представить моего соседа. Это Путер». Он даже не прибавил «мистер». Шериф вручил мне бокал шампанского. Все же это была большая честь для меня выпить с ним по бокалу вина. Я так и сказал ему об этом. Мы поболтали некоторое время, и я наконец сказал: «Я прошу меня извинить, но я должен присоединиться к миссис Путер». Когда я подошел к ней, она молвила: «Ты не должен бросать своих друзей ради меня. Я абсолютно счастлива, стоя здесь в одиночестве посреди толпы совершенно незнакомых людей!».

Так как для ссоры нужны двое, но место и время были неподходящими, я подал Керри руку и сказал: «Надеюсь, моя дорогая женушка потанцует со мной, хотя бы ради того, чтобы мы могли рассказать всем, что танцевали в резиденции Лорда-Мэра в качестве его гостей». Памятуя, что танцы после ужина становятся менее формальны, и помня, как Керри восхищалась моим танцевальным талантом в былые времена, я обнял ее за талию, и мы закружились в вальсе.

Далее произошел пренеприятный инцидент. На мне были новые туфли. Сдуру я не последовал совету Керри и не поскреб подошвы ножницами, даже не потрудился намочить их. Не

успел я пуститься в пляс, как поскользнулся, моя левая нога взметнулась вверх, как молния, и я упал, ударившись головой о пол с такой силой, что секунду-другую не мог понять, что же произошло. Нетрудно догадаться, что Керри грохнулась вместе со мной и с такой же силой, сломав гребешок для волос и ударившись локтем.

Публика разразилась смехом, который утих, как только люди поняли, что мы серьезно разбились. Какой-то джентльмен помог Керри сесть, а я довольно жестко высказался об опасности отполированного пола, не застланного коврами или дорожками, чтобы люди не поскользнулись. Джентльмен, который назвался Дарвиттсом, настаивал на том, чтобы проводить Керри и угостить бокалом вина; я с удовольствием позволил Керри принять приглашение.

Я последовал за ними и встретил Фармерсона, который громогласно спросил: «Так это ты грохнулся сейчас?».

Я ответил ему негодующим взглядом.

С отвратительным видом он сказал: «Послушай меня, дружище, мы уже не в том возрасте. Оставим эти проделки молодежи. Лучше выпей еще стаканчик – уж это точно не повредит».

Хотя я чувствовал, что соглашаюсь с ним только для того, чтобы он замолчал, мы все же прошли вслед за остальными в столовую.

После ужасного происшествия ни я, ни Керри не захотели остаться. Когда мы уходили, Фармерсон спохватился: «Уже уходите? Может, захватите и меня?».

Я чувствовал, что лучше согласиться, но очень хотел посоветоваться с Керри.

Глава 5

После бала в резиденции Лорда-Мэра. Керри обижена. Гаунг тоже обижен. Неплохая вечеринка у Каммингса. К нам приехал мистер Фрэнчинг из Пекэма.

8 мая

Я проснулся с нестерпимой головной болью. Я плохо видел, а шея болела так, будто я ее потянул. Вначале я подумал вызвать доктора, но потом посчитал это необязательным. Я встал и почувствовал тошноту. Я зашел к аптекарю Браунишу, который дал мне лекарство. На работе мне было так плохо, что пришлось отпроситься домой пораньше. Я зашел к другому аптекарю в Сити и получил другое лекарство. Кажется, от лекарства Брауниша мне стало только хуже. За весь день ничего не съел. В довершение всего, что бы я ни сказал Керри, в ответ слышал только резкое «Да, именно так», если она отвечала вообще.

Вечером я снова почувствовал себя хуже и сказал ей: «Уверен, я отравился лобстером под майонезом в резиденции Лорда-Мэра прошлым вечером». Не отрывая глаз от шитья, она запросто ответила: «Ага, а шампанское вовсе не в счет». Я был раздражен и вымолвил: «Ты говоришь чепуху; я выпил всего полтора бокала, ты же знаешь...». Не дав мне закончить фразу, она выскочила из комнаты. Я прождал ее возвращения больше часа, но так как она не пришла, решил пойти в постель. Я понял, что Керри уже легла, даже не пожелав мне доброй ночи, а я должен был запереть дверь и покормить кошку. Обязательно поговорю с ней утром.

9 мая

Все еще пробирает дрожь, перед глазами черные точки. В *Блэкфрайерс Ньюс*, которая выходит два раза в неделю, опубликовали длинный список приглашенных, посетивших бал в резиденции Лорда-Мэра. К огромному разочарованию, наши имена пропустили, хотя было указано имя Фармерсона и некие загадочные буквы после него. Никак не пойму, что они означают. Сказать, что мы были раздосадованы, – это ничего не сказать, потому что мы заказали дюжину номеров, чтобы разослать их друзьям. Я написал в *Блэкфрайерс Ньюс*, указав на их упущение.

Керри уже приступила к завтраку, когда я вышел на крыльцо. Я выпил чашечку чая и начал совершенно расслабленно и спокойно: «Керри, мне хотелось бы услышать хоть какие-то объяснения по поводу твоего поведения прошлым вечером».

Она ответила: «Да что ты! А я хотела бы услышать хоть какие-то объяснения по поводу твоего поведения позапрошлым вечером».

Я холодно сказал: «В самом деле, я тебя не понимаю».

Керри насмешливо произнесла: «Возможно. Вряд ли твое состояние могло позволить тебе что-нибудь понять».

Я был ошеломлен такой инсинуацией и в изумлении воскликнул: «Кэролайн!».

Она ответила: «Не драматизируй, на меня это не действует. Оставь этот тон для своего нового друга мистера Фармерсона, продавца скобяных изделий».

Только я хотел возразить, но Керри приказала мне попридержать язык. Я никогда не видел ее такой. Она заявила: «Теперь позволь мне кое-что сказать! После того, как ты разыгрывал пренебрежительное отношение к мистеру Фармерсону, ты позволил ему пренебрежительно обращаться с ТОБОЙ в моем присутствии, а потом принял его приглашение пропустить по бокалу шампанского, причем одного бокала тебе, по всей видимости, показалось мало. А потом, на обратном пути, ты предложил этому грубияну, который устроил балаган с переносом нашего скребка, место в нашем экипаже, усаживаясь в который он порвал мое платье и наступил на дорогой веер миссис Джеймс. Кстати, перед этим ты выбил его из моих рук. Он

даже не извинился. Всю дорогу домой ты курил, и тебе не хватило элементарного такта, чтобы спросить моего позволения. И это еще не все! Когда мы приехали, он не предложил ни фартинга за экипаж. По счастью, его рассудок был не до конца затуманен, и он заметил по моему поведению, что его присутствие было мне неприятно».

Мистер Фармерсон курил в кэбе до самого дома

Господи, я был уничтожен! Но это было только начало. В комнату без стука вошел Гауинг. На его голове красовались две шляпы, в руке он держал грабли, а на плечах лежал меховой палантин Керри, который он снял с вешалки в холле. Это пугало объявило громким голосом: «Его Королевское Высочество, Лорд-Мэр!». Этот шут гороховый дважды обошел комнату маршем и, заметив, что мы на него не реагируем, спросил: «Эй! В чем дело? Милые бранятся?».

На миг воцарилось молчание. Я спокойно сказал: «Мой дорогой Гауинг, мне сейчас нелегко, и, можно сказать, не до шуток, особенно когда тыходишь без стука. Что-то мне это смешным не кажется».

Гауинг ответил: «Я прошу прощения, но я зашел за своей тростью. Я думал, ты сам отправишь ее мне». Я отдал ему его трость, которую покрасил черной эмалью. Мне показалось, так

она будет выглядеть куда лучше. С минуту он изумленно смотрел на нее, а потом процедил: «Кто на это осмелился?».

Я был в недоумении: «На что?»

Он переспросил: «На что? Бог мой, моя трость безвозвратно испорчена! Это трость моего дядюшки, она самое дорогое, что у меня есть на этом свете! Я выясню, кто это сделал».

Я промолвил: «Мне очень жаль. Надеюсь, краска сойдет. Я хотел как лучше».

На это Гаунг ответил: «Это неслыханное самоуправство; и знаешь что, на самом деле ты еще глупее, чем кажешься, хотя глупее уже некуда».

12 мая

Получил свежий номер *Блэкфрайерс Ньюс*. Они опубликовали коротенький список имен, которые были пропущены в предыдущем номере; но эти тупицы назвали нас мистер и миссис Ч. Портер. Вот достали! Снова написал им и специально выделили нашу фамилию заглавными буквами – ПУТЕР. В следующий раз они не должны ошибиться.

16 мая

Испытал отвращение, открыв сегодня *Блэкфрайерс Ньюс*. Они написали: «Мы получили два письма от мистера и миссис Чарльз Пьютер с просьбой сообщить о важном событии – они присутствовали на балу в резиденции Лорда-Мэра». Я порвал газету и выбросил в урну. Я слишком ценю свое время, чтобы отвлекаться на такие пустяки.

21 мая

Последняя неделя или даже последние десять дней были ужасно скучными. Керри пропала в Сагтоне у миссис Джеймс, Каммингса тоже не было, а Гаунг скорее всего все еще обижался на меня за покраску его трости черной эмалью без его разрешения.

22 мая

Купил новую трость с серебряным набалдашником за семь с половиной шиллингов (скажу Керри, что она стоила пять) и отослал ее Гаунгу с дружелюбной запиской.

23 мая

Получил странную записку от Гаунга, которая гласила: «Обижен? Ничуть, мой мальчик. Я думал, это ты обиделся, что я так разошелся. Кроме того, оказалось, что ты покрасил не трость моего дядюшки. Это была грошовая трость, которую я как-то купил в табачной лавке. Однако я польщен твоим прекрасным подарком».

24 мая

Керри вернулась домой. Ура! Выглядит просто прекрасно, если не считать ее обгоревший на солнце нос.

25 мая

Керри достала несколько моих сорочек и попросила меня отнести их Триллипу. Она сказала, что планки и манжеты изнашивались. Я тут же нашелся: «Несу изношенные сорочки!» Мой Бог! Как мы хохотали! Я думал, мы никогда не остановимся. Так как по дороге в город я сидел рядом с водителем автобуса, я рассказал ему эту шутку про сорочки. Я думал, он свалится со своего сидения. На работе тоже долго смеялись.

26 мая

Оставил сорочки у Триллипа. Я сказал ему, что принес изношенные сорочки. Даже не улыбнувшись, он ответил: «С ними всегда такое случается, сэр». Некоторые люди напрочь лишены чувства юмора.

1 июня

Всю неделю мы провели, как в старые добрые времена. Керри снова была дома, Гауинг и Каммингс заглядывали почти каждый вечер. Пару раз мы допоздна засиживались в саду. Этим вечером мы веселились, как мальчишки, и играли в «Последствия». Отличная игра!

2 июня

Сегодня вечером снова «Последствия». Уже не так весело, как прошлой ночью. Несколько раз Гауинг вышел за рамки хорошего вкуса.

4 июня

Сегодня мы с Керри ходили к мистеру и миссис Гауинг, чтобы спокойно провести вечер. Помимо Гауинга там был мистер Стиллбрук. Все прошло спокойно и мило. Миссис Гауинг спела пять или шесть песенок. По моему скромному мнению, «Нет, сэр» и «Сонный сад» ей особенно удались. Но еще больше мне понравилось, как они спели дуэтом с Керри – классический дуэт. По-моему, это была песня «Я стану таким, любовь моя!». Было очень красиво. Если бы Керри была в голосе, как это у нее обычно получается, профессионалы ей позавидовали бы. После ужина мы настояли, чтобы они спели эту песню еще раз. Я терпеть не мог мистера Стиллбрука со времени того воскресного похода в «Корову и изгородь», но должен признать, у него отлично получаются комические куплеты. Слушая его «Нам уже не нужны старики», мы надрывались от смеха, особенно когда пелось про мистера Глэдстоуна; но был один скабресный куплетик, который, как мне кажется, ему следовало пропустить. Я поделился с Гауингом этой мыслью, но, как оказалось, ему это место понравилось больше всего.

6 июня

Триллип принес сорочки, но к моему омерзению, за их починку мне пришлось заплатить больше, чем они стоили при покупке. Я так и сказал ему, на что он дерзко ответил: «Сейчас они лучше, чем новые». Я заплатил, заявив, что это грабеж. Он парировал: «Если вы хотели, чтобы я сделал планки сорочек из ветоши, которую используют для упаковки и изготовления книжного переплета, надо было сразу предупредить».

7 июня

Жуткая досада. Встретил мистера Франчинга, который живет в Пекэме, и который слышит ужасным задавакой. Я рискнул пригласить его к себе попить чайку и перекусить чем Бог послал, но никак не ожидал, что он примет мое предложение. Однако же он согласился и очень дружелюбно заметил, что лучше поклюет чего-нибудь с нами, чем в одиночестве. Тогда я указал ему на серый автобус, в котором нам предстояло добираться до дома, но он ответил: «Больше никаких серых автобусов! Довольно мрачности, я и так недавно проиграл тысячу, поставив на Медный ужас. Полезайте сюда».

Мистер Франчинг из Пекэма

Домой ехали с шиком – в прекрасном кэбе. Я трижды постучал в парадную дверь, но никто не открыл. Сквозь матовое стекло (со звездочками) я видел, как Керри побежала вверх. Я попросил мистера Франчинга подождать, пока я обойду дом и войду через боковую дверь. Там я увидел, как сынок бакалейщика обдирает вспузырившуюся краску с нашей двери. Мне было некогда препираться с ним; так что я влез в дом через кухонное окно. Я впустил мистера Франчинга и провел его в гостиную. Сходил за Керри, которая переодевалась наверху, и сказал, что уговорил мистера Франчинга заглянуть к нам. Керри воскликнула: «Как ты мог? Ты же знаешь, что у Сары выходной, и дома ничего нет, кроме холодной баранины, которой жаркая погода явно не пошла на пользу».

В конечном итоге, будучи премилым существом, Керри спустилась, помыла чайный сервиз и постелила скатерть. Пока Франчинг любовался видами Японии, я сбегал к мяснику и купил три отбивные.

Сынок бакалейщика обдирает вспузырившуюся краску с нашей двери

30 июля

Мерзкая погода всегда расстраивает нас с Керри. Кажется, мы вспыхиваем и начинаем ругаться из-за всяких пустяков. И такие ссоры обычно случаются за столом во время еды.

Сегодня утром мы почему-то заговорили о воздушных шарах. Нам было необыкновенно весело; но потом мы незаметно переключились на семейные дела. Без всякой причины Керри заговорила о финансовых проблемах моего несчастного отца, да еще и в самой нелестной

форме. Я парировал: «Папа всегда оставался настоящим джентльменом». В ответ Керри разразилась диким криком. За завтраком мне кусок в горло не лез.

На работе меня вызвал к себе мистер Перкапп и сказал, что ему очень жаль, но мне придется взять отпуск со следующей субботы. Франчинг позвонил мне на работу и пригласил на ужин в его клуб «Моцион». Во избежание очередных недоразумений дома после утренней стычки я послал Керри телеграмму, в которой сообщил, что не приду домой к ужину, чтобы она не ждала меня до поздней ночи. Купил Керри серебряный браслет.

31 июля

Керри очень понравился браслет, который я оставил вместе с любовной запиской на ее туалетном столике накануне перед сном. Я сказал Керри, что мы едем в отпуск в следующую субботу. Она ответила, что просто счастлива, что не возражает, вот только погода подкачала. Она волновалась, что мисс Джиббонс не успеет дошить ей подходящее платье для отдыха на побережье. Я напомнил Керри, что у нее есть коричневенькое платьице с розовыми бантами, которое тоже может сгодиться для отдыха. Керри заявила, что и не подумает надеть его. Я было хотел возразить, но, вспомнив вчерашнюю ссору, попридержал язык.

Я предложил Керри: «Думаю, нет ничего лучше, чем старый добрый Бродстэрз». К моему изумлению, Керри впервые не возражала против Бродстэрза, но умоляла меня больше не говорить «старый добрый». Мол, пусть так говорит мистер Стиллбрук и ему подобные ДЖЕНТЛЬМЕНЫ. Заслышав свой автобус, я был вынужден поспешить на улицу, даже не поцеловав Керри, хотя я всегда делал это раньше. Я лишь прокричал ей: «Решай сама». Вечером Керри подтвердила свое согласие поехать в Бродстэрз, так как у нас оставалось не так много времени до отпуска, и сказала, что уже написала миссис Бек в Харбор Вью Террас с просьбой сдать нам в аренду комнаты.

1 августа

Заказал новую пару брюк у Эдвардса и попросил не делать их слишком широкими внизу. Мои прошлые брюки были широкими внизу и узкими на коленях, так что я был похож на моряка. Проходя мимо стола моего сослуживца Питта, я слышал, как этот мерзкий юнец насвистывал мелодию, под которую танцуют моряки.

Керри заказала у мисс Джиббонс розовую блузу «гарibaldi» и голубую юбку из саржи. Я всегда думал, что такой костюм отлично подходит для отпуска на побережье. Вечером она смастерила себе маленькую соломенную шляпку, пока я читал вслух колонку «Покупка, продажа и обмен». Мы повеселились от души, когда я примерил ее обновку. Керри сказала, что шляпка смешно смотрится с моей бородой, и представила, как будут хохотать окружающие, когда увидят меня вот так.

2 августа

Миссис Бек ответила, что оставит за нами наши комнаты в Бродстэрзе. Это превосходно! Купил цветную сорочку и пару туфель песочного цвета. Многие клерки в Сити, претендующие на элегантность, ходят в таких же. Я слышал, это модно.

3 августа

Чудесный день. Жду не дождусь завтрашнего дня. Керри купила зонтик длиной, наверное, в пять футов. Я сказал, это нелепо, но Керри уверяла, что у миссис Джеймс из Саттона вдвое длиннее. Вопрос был исчерпан. Я купил отличную шляпу на жаркую погоду. Не знаю, как она называется, но она сделана в форме шлема, какие носят в Индии, только из соломки. Прикупил три новых галстука, два цветных носовых платка и пару темно-синих носков у Братьев Поуп. Весь вечер мы упаковывали вещи. Керри попросила меня не забыть телескоп мистера Хиггсворта, который он всегда оставляет мне, так как знает, что только я смогу о нем позабо-

тяться. Послали Сару принести телескоп. Только все пошло гладко, как с последней почтой принесли письмо от миссис Бек, которая сообщала, что только что сдала весь дом какой-то компании, что ей жаль, но она берет свои слова обратно, и нам придется подыскать другое жилье. Далее говорилось, что ее соседка миссис Вомминг с радостью поселит нас у себя, но не раньше понедельника, так как сейчас все комнаты сданы на банковские каникулы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.